

«Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне передо мной прошла беззвучная вьюга, а затем появился старинный рояль и возле него люди, которых уже нет на свете».

Сны были его мукой и блаженством, дорогой в ад и спасением. Он пронёс их через жестокую явь с редким мужеством и смирением. Всматриваясь в собственную душу, он снял Иисуса Христа с позолоченного креста, вернув на деревянный. Он смог сделать это, потому что слишком мучительной была боль его личного распятия.

Я посетил квартиру писателя в Киеве в доме 13 на Андреевском спуске в 2004 году. Сейчас там мемориальный музей. Рядом Андреевский храм, построенный по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны на легендарном холме, где по пути в Новгород якобы останавливался апостол Андрей Первозванный. Так вот откуда сны о Христе! Считается, что врождённая религиозность Михаила Афанасьевича объясняется его генеалогическим древом, где было много священников. Но она (религиозность) ещё и от древних, чисто земных корней места рождения будущего писателя. Через первого апостола Русь впервые соприкоснулась с Иисусом Христом. А много веков спустя писатель, волей судьбы проживший тринадцать лет у подножия священного холма, сам крестил безбожную Советскую Русь на страницах «Мастера и Маргариты».

Он начал роман в 20-е годы XX века. Работа шла трудно, порой мучительно. В такие глубины до него не заглядывал ещё никто. В 1931 году писатель записывает в дневнике: «Помоги,

Господи, кончить роман». В 1940 году смерть ставит точку в почти готовой рукописи романа. Он успел сказать несколько слов о том мире, куда ушёл Мастер и где Воланд и Иешуа каждый по-своему делают одно дело. А в нашем – через год с небольшим после ухода писателя началась Великая Война. В ней усатый кремлёвский Воланд сражался вместе со святыми, с Иисусом Христом и с Божьей Матерью на залитой невиданными потопами крови русской земле. Мастер не смог принять участия в битвах, как он делал это в своё время, воюя за Россию в армии Деникина. Не смог потому, что исчерпал все силы в борьбе за свои сны. И заслужил покой.

Побывал я также в Москве в подъезде дома 50 на улице Большой Садовой.

Почему так прославилась его квартира 10? Почему Михаил Афанасьевич столь живо описал её в своём гениальном романе? Ведь прожил там всего три года и без «Маргариты» – Елены Сергеевны, с которой познакомился гораздо позже. Кроме того, за свою жизнь в Москве сменил ряд квартир и в них жил гораздо дольше. Почему же номер пятидесятый оказался эпицентром разыгранной дьяволиады?

В каменном мешке двора по Садовой, сразу слева, когда заходишь, только что созданный музей писателя. Это случайная квартира на первом этаже первого подъезда. А та самая – в другом подъезде на пятом этаже. Лестничные стены, потолок и даже каменные марши исписаны, размалёваны всевозможными изображениями и надписями.

«Тихо, тихо. Шаги или это часы? Это слёзы мои или капли росы? Руки тянутся вверх к одиноким глазам. Никому я тебя не отдам». «Всё, что мне нужно, это несколько слов и место для шага вперёд». «У каждого есть свой трамвай, главное, чтобы он переехал тебя своевременно». «Склоняю перед вами голову, Мессир». «Воланд вернётся. Скорее бы!»

Тоска по Воланду кое-где сопровождается изображением фашистской свастики. Рисунки, увы, большей частью сатанинской тематики. Высоченная дверь квартиры 50 закована в современную стальную броню. На ней висит большой амбарный замок. Звонок вырван вместе с проводами, оголённые концы их строго наставлены на посетителей: «Просьба не тревожить!»

Всё это было в Москве 90-х годов, сейчас, как мне рассказывают, квартира и подъезд выглядят вполне благопристойно.

О зловещей атмосфере булгаковского дома написано много. Тогда я не почувствовал ничего особенного. Может быть, экран чужих впечатлений заслонил мои собственные, а может, бесы ушли в места потише. Шумная оголтелость современной Москвы достанет хоть кого, даже рогатых и хвостатых. Живо представляется коммуналка 20-х годов XX века. Семь пеналов с одной кухней, одним туалетом и ванной. Расписание на помывку, сходки на кухне... – коммунальный рай, который одни вспоминают с тоской, другие проклинают. Булгаков описывал его с горькой улыбкой.

Итак, квартира 50 на Большой Садовой, 10. Булгаков занимал в ней только одну комнату. Тем не менее поместил в ней сибарита Воланда да ещё со свитой. Устроил здесь знаменитый сатанинский бал. Каким образом это позволяли скудные квартирные метры? Тесноту можно расширить с помощью «пятого измерения», иначе говоря, творческого воображения. Что и сделал писатель, рассредоточив и расселив себя по всем персонажам романа. Ибо и Иешуа, и Воланд, и Понтий Пилат, и Мастер – это грани личности самого Булгакова. В героях романа писатель выразил всё то, что любил и ненавидел в себе, в людях, в жизни.

Многие исследователи указывают на то, что в Воланде воплощены черты Сталина. Несомненно (хотя многие говорят,

что выведен Троцкий). И черты, точнее, поступки Понтия Пилата Булгаков заимствовал из того же сталинского прототипа. Пилат отправил Иешуа на распятие, потому что тот, по мнению игемона, сеял смуту в управляемой им провинции, но одновременно отдал распоряжение зарезать Иуду – непосредственного виновника гибели Иешуа. Сталин не давал ходу сочинениям Михаила Афанасьевича, поскольку они не вписывались в идеологию коммунистической империи, а для писателя замалчивание его произведений было равносильно распятию. В то же время диктатор жестоко расправился почти со всеми критиками Булгакова.

О взаимоотношениях писателя с кремлёвским вождём лучше всего рассказала Елена Сергеевна. Писатель ненавидел большевиков, но очень уважал их вождя. Он написал пьесу о его молодости, о том, как рождалась революция. Более того, в подходах к религии у Булгакова и Сталина было своеобразное сходство. Оба воспитывались в религиозных семьях, обоих родители готовили к духовному поприщу. Но юноша Булгаков увлёкся Дарвином, медициной, наркотиками, резко порвал с верой. С дурной легендой о происхождении человека от обезьяны, а также с пристрастием к кокаину он постепенно справился. И к вере вернулся, но не к церковной. Похожий путь прошёл Иосиф Джугашвили. Бывший духовный семинарист, крушивший в 1920-е и 1930-е годы храмы, в 1943-м прекратил церковные репрессии, призвал в Кремль патриарха Сергия и вышел ему навстречу со словами «Не получилось», имея в виду, что не вышло обойтись без Иисуса Христа. Этому событию предшествовала целая череда знамений Высших Сил, потребовавших от кремлёвского диктатора с началом Великой Войны опоры на религиозные основы во имя спасения России и мира. Тема особого разговора. Точно так же, как исследователям ещё предстоит осмыслить те глубокие

религиозные изменения, которые произошли после Октябрьской революции в умах таких выдающихся и разных деятелей русской культуры, как Блок, Есенин, Вернадский, Павлов, Рерих, а до революции – в душе Толстого. Порвав с церковной ортодоксией, они лишь углубили свои подходы к истинной вере.

Октябрь 1917 с разных позиций приветствовали Блок, Маяковский, Есенин, Клюев, также ряд литераторов помельче из так называемого «Серебряного века» русской литературы. Булгаков не славословил революцию, принадлежал, скорее, к числу смирившихся. Но в творчестве его душа принадлежала снам о прошлом.

Сталин хорошо понимал эту противоречивую позицию писателя и очень хотел качнуть его талант в сторону утверждения новой действительности, как удалось это сделать с Горьким и А. Толстым. Однако Булгаков прошёл свою Голгофу до конца, не уступив ни пяди творческого пространства.

Хозяин Кремля играл с ним, как кошка играет с полузадушенной мышкой. На жалобу писателя в известном телефонном разговоре, что ему не дают жить и работать, усатый батька спросил: «Вы где хотите работать? В Художественном театре?» – «Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, мне отказали», – ответил Булгаков. – «А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся». Конечно, то, что показалось диктатору, было немедленно реализовано, ибо его фантазии, в отличие от булгаковских, исполнялись немедленно. Михаила Афанасьевича встретили во МХАТе с распростёртыми объятиями. И не только потому, что выполнили указания вождя. Его там действительно любили.

Подобные театральные и литературные объятия сопровождали Булгакова всю жизнь с первых его творческих шагов, но заканчивались, за редким исключением, ничем. Народный артист СССР В. Топорков, близко знавший Михаила Афана-

сьевича, так вспоминает его рассказ о начале литературного пути: «Голодный, иззябший, без гроша в карманах рваной солдатской шинели, принёс Булгаков редактору какого-то журнала свой первый литературный опус – последний шанс на спасение. Принят был сухо, редактор через губу бросил:

– Через неделю.

А неделю-то надо прожить.

Через неделю с прыгающим сердцем и поющим желудком, еле держась на ногах, входит начинающий автор в кабинет, и... о чудо! – приём совсем другой. Редактор выскакивает из кресла, хватая его за руки, восклицает:

– Амфитеатров! Амфитеатрова знаете?

– Н-н-нет, – запинаясь, произнёс автор.

– Непременно прочтите. Вы же пишете почти как он. Дорогой мой! Талантище!

– Значит, фельетон понравился?

– Что за вопрос! Гениально!

– Значит, напечатаете?

– Ни в коем случае! У меня семья! – так же жизнерадостно восклицает редактор. – Но непременно заходите! Приносите ещё что-нибудь. Позабористее! До скорого! Амфитеатрова прочтите непременно!».

В этом эпизоде прижизненная судьба почти всех булгаковских сочинений.

Некоторые исследователи-булгаковеды отказывают роману «Мастер и Маргарита» в правдоподобном изображении Иисуса Христа, дескать, писатель дал образ некоего Иешуа Га-Ноцри, наполнив его собственным автобиографическим дыханием. Конечно, в образе Иешуа проявилась судьба самого Булгакова. Но не таковы ли все литературные герои больших мастеров, даже списанные с исторической натуры?

Булгаков, естественно, не смог увидеть всего Христа, эта задача не по силам ни одному из представителей современного человечества. Но также несомненно, что булгаковское изображение родоначальника христианства расширяет рамки нашего понимания Иисуса Христа как богочеловека. Та верность истине, которую проявили Иешуа и Мастер, и есть основа божественной составляющей человека.

«Я не церковник и не теософ», – однажды сказал о себе Михаил Афанасьевич.

Что не церковник – это ясно. Но почему не теософ, ведь его взгляд на Христа близок теософским воззрениям?

В 1922 году в журнале «Рупор» Булгаков публикует рассказ «Спиритический сеанс».

Его герои – «бывшие» хозяева жизни, ненавидящие «нынешних» устраивают на своей квартире спиритическую сходку, чтобы узнать, как потусторонний мир относится к большевикам и сколько времени отводит их власти. В это время любопытная горничная Ксюша, которую выпроводили из комнаты, подглядывает в замочную скважину, чем же занимаются её хозяева. И рассказывает подружке: «Заперлись они, девонька... Записывают про императора и про большевиков... Темно в квартире, страсти!.. Жилец, барин, барыня, хахаль ейный, учительша... Ланпы потушили, чтобы я, значит, не видела... Хи-хи! И записывают... большевикам, говорят, крышка».

Далее комментарий рассказчика: «В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал как сумасшедший, предрекая большевикам гибель... Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим на нём мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх... Спириты потребовали, чтобы дух стукнул. И стук раздался.

– Дух, кто ты? – дрожащим голосом крикнул Павел Петрович.

– Чрезвычайная комиссия, – ответил из-за двери гробовой голос.

Когда дверь открыли, дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:

– Ваши документы, товарищи...»

Понятно, как мог относиться Михаил Афанасьевич к «теософам» подобного рода.

Известная фотография с моноклем в глазу и бабочкой на шее хорошо передаёт многоликий образ писателя. Он вставлял в глаз монокль и надевал бабочку, намеренно эпатируя новую интеллигенцию в косоворотках и сапогах. Но любил также всякие переодевания, розыгрыши, как теперь говорят, «балдёж». Вот фотография «Булгаков на отдыхе. 1927 год»: белоснежный костюм, та же чёрная бабочка. А рядом снимок Булгакова-актёра в спектакле МХАТа «Пиквикский клуб», загримированного под английского джентльмена в парике – не узнать! Хорошую одежду обожал смолоду, одежду из той России, России его снов. Но с гардеробом имел большие проблемы. Вернувшаяся из эмиграции в Советскую Россию Любовь Белозерская, позже ставшая его второй женой, так описывает первую встречу с Булгаковым: «Передо мной стоял человек лет тридцати-тридцати двух, волосы светлые, гладко причёсанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо, в общем, привлекательное, лицо больших возможностей. Я долго мучилась, прежде чем сообразила, на кого же он походил. И вдруг осенило меня – на Шаяпина! А вот одет он был далеко не по-шаяпински...

Какая-то глухая чёрная толстовка без пояса этакой «распашонкой» была на нём. Я не привыкла к такому мужскому силуэту. Он показался мне комичным слегка, так же как и лакированные ботинки с ярко-жёлтым верхом, которые я

сразу же окрестила «цыплячьими». Только потом, когда мы познакомились поближе, он сказал мне не без горечи: «Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом мне достались эти ботинки, она бы не смеялась...». Тогда я поняла, что он обидчив и легкоранним».

Был в жизни большой любитель каламбуров. Известную библейскую заповедь Моисея переиначил на «Не при Любе сотвори», имея в виду Л. Белозёрскую. И «сотворил» ведь, при ней привёл в дом третью жену – Елену Шиловскую.

Почему Булгаков не уехал из России? Внешне всё объяснимо – не пускали. Но у него был период между 1917-м и 1919-м, когда такая возможность предоставлялась не однажды, он в ту пору жил в Киеве, в Пятигорске, во Владикавказе, ещё не занятых окончательно большевиками. Ушли вместе с армией Деникина за рубеж два его брата, Иван и Николай, ушли многие друзья. Булгаков же остался, активно включившись в культурную работу молодой советской республики. И с первых шагов такой работы заявил о себе если не как «контрик», то, по крайней мере как активный «бывший», защищая культурное наследие прошлого. Тогда же начались его нелады с новой властью. Он никак не желал поступаться своими «снами», со своей тоской по прошлому, одновременно не держал кукиша в кармане против новой власти. Его рыцарское сердце и мудрая голова сдерживали личное неприятие режима, хотя ум подсказывал – ходу его перу не дадут.

Позже, в конце 20-х годов, писатель не однажды просился за границу для соединения с родственниками, особенно мечтал побывать в Париже – Мекке литературной эмиграции. Но ему уже откровенно перекрыли дорогу на Запад. Одно время его преследовали мысли о самоубийстве, свидетельство – метания Максудова в «Театральном романе». Случались также периоды, когда он был близок к помешательству. Не только

в Мастере, но и в Иване Бездомном прослеживаются автобиографические грани создателя «Мастера и Маргариты».

С сарказмом, но и с большим внутренним теплом он описал в некоторых героях «Театрального романа» черты тех, кто пошёл на компромисс с советской властью: Станиславского, Немировича-Данченко, Алексея Толстого. Бонвиванскую натуру последнего Булгаков рисует даже с некоторой долей зависти, потому что сам любил хорошо пожить. Но то, что разрешено быку, Юпитеру делать возбраняется его божественным статусом. Таланту компромиссы позволены, но у гения «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути».

Здесь я рискну заглянуть в запредельные области метафизики, прикрывшись авторитетом Даниила Андреева. Этот писатель ввёл понятие метаистории, которая сопровождает обычную земную историю и очень часто предшествует ей. Рождение гения начинается на небесах, когда человеческий дух заключает с Богом контракт на выполнение определённой исторической задачи. Для того, чтобы «нижеподписавшийся» не забыл о своём контракте, его сопровождает по жизни гений, в своё время хорошо описанный Сократом. Жизнь такого человека никогда не бывает лёгкой, хотя он знает минуты блаженства, недоступные рядовому человеку. Но если отмеченный Богом человек изменит контракту, гений отступит от него. Чем это заканчивается, могут объяснить глаза врубелевских демонов.

Булгаков не отступил и не сдался. Он не изменил контракту, и гений не покинул его.

Если бы писатель в 1919 году уехал за границу, а не в Москву в пасть дьяволу, не было бы гениального автора «Мастера и Маргариты», зато мог бы состояться какой-нибудь дублёр Алексея Толстого.

Вот метафизические корни вырвавшейся у Булгакова в разговоре со Сталиным фразы: «Русский писатель не может жить вне родины».

Только не нужно цепляться за слова, Рахманинов жил вторую половину жизни за границей и оставался гением, потому что родина никогда не покидала его душу. Булгаков говорил о своём случае. Сколько же он пережил в советской России от прямых попаданий в крылья!

Первый взлёт. Как часто спозаранок

Попадает дробь в крыло души.

Кровью истекающий подранок

Молча уползает в камыши.

Отлежится, снова рвётся в тучи.

Так всю жизнь. И никакой резон

Раненую птицу не отучит

Из гнезда лететь за горизонт.

Так и этот, до костей израненный,

Не желает выучить урок,

Тянется в последнее изгнание

Крыльями трепещущий чирок.

Исследователь творчества Булгакова Виктор Петелин в своей прекрасной, хотя и страдающей длиннотами и повторениями книге «Жизнь Булгакова» отделяет писателя от так называемых сюрреалистов, творцов кошмаров и так далее, подчёркивая сугубо реальную основу всех булгаковских снов. Это верно. Но лишь отчасти. Что значит реальность или нереальность человеческих фантазий? Сюрреализм, абстракционизм – тоже реальность, но реальность низшая. Геометрические фигуры Малевича и Пикассо существуют в Тонком мире, как разорванные фрагменты земной жизни. Прекрасное там отражается как прекрасное здесь. Тамошние

кошмары и деформации в одном случае следствие, в другом – причина посюсторонних.

Вся русская классическая литература развивалась под импульсом «пятого», божественного и высших слоёв «четвёртого» – тонкого измерения. Павел Флоренский называет искусство «оплотневшими снами». Душа во сне поднимается из мира дольного в мир горний, чтобы, напитавшись божественными красотами, запечатлеть их потом кистью или пером. Мир горний полон несказанной красоты, лишь отблески её может принять мир дольный.

Но даже эти осколки красоты небесной часто встречают ожесточённое сопротивление. Мир дольный очень часто не хочет принимать дары мира горнего. Однако непонимание и непризнание, как правило, только усиливает творческие порывы художника. В истории искусства немало тому свидетельств, французский импрессионизм, например. Советская идеология, отрезавшая тонкие миры от плотной действительности, своими железными тисками буквально выдавила Булгакова вверх, к Христу.

Сегодняшние «демократические» СМИ стараются выдавить искусство вниз, в адские области. И та и эта власти, в сущности, делают одно дело, объединяя мир плотный с миром тонким. Но сколько же на этом пути обломков! Число жертв сталинских репрессий исчисляется миллионами. Десятки миллионов мы потеряли в годы «либерального» владычества. Считается, что при «светопреставлении» погибнут миллиарды. Где же ты, милосердный Бог?! Подобные вопросы возникали не однажды в XIX веке. А XX весь прошёл под знаком нищезанского приговора «Бог умер».

Булгаковские сны пришлись на самое начало века, попали в самую гущу безбожных кошмаров, их выдержали и ушли в бессмертие.

Булгаков, как и герой его романа, во время одного из своих ночных кошмаров сжёг часть «Мастера и Маргариты». «Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен, мне страшно». Могучий дух справился с унынием, восстановил утраченную часть романа, подтвердив своим гением справедливость слов «Рукописи не горят!» Но сколько же страшной усталости принесли эти несгораемые рукописи Мастеру! «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, что только она одна успокоит его».

Изнемогший победитель, он умер с лёгким сердцем, после мучительного припадка, погрузившего его в долгий сон. Ритмичное спокойное дыхание Мастера постепенно слабело. Наконец, лёгкая судорога прошла по его лицу, и вырвавшаяся на волю душа отправилась в последний полёт над землёй. «Он не заслужил света, он заслужил покой».

О прошлое, в твоём кровавом хрусте

Одни разборки времени и нас.

«Душа полна невыразимой грусти».

Забыться бы,

ничьих не видеть глаз...

Но из глубин нескошенного поля

Приходят предков тихие слова:

– Мы живы до тех пор, пока нас помнят,

И живы те, в ком грусть о нас жива.

Он умер 10 марта 1940 года. Сталин воспринял смерть писателя весьма своеобразно, можно даже сказать, как личную

потерю человека, за деятельностью которого пристально следил (на спектаклях «Белой гвардии» побывал, по ряду свидетельств, много раз).

В квартире покойного раздался телефонный звонок: «Звонят из секретариата товарища Сталина, это правда, что умер Булгаков?» – «Правда», – ответила Е. С. Шиловская.

Спустя пять дней Елена Сергеевна получила от Александра Фадеева, встречавшегося с больным Булгаковым накануне смерти, письмо: «Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный, очень умный, с ним, даже тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики (читай Сталин. – Ю. К.) , и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не всё видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного, хуже было бы, если бы он фальшивил».

Эти слова принадлежат одному из самых больших литературных «генералов» советской словесности. Всё понимал, но ничем не помог. И не мог помочь он, видевший в 40-м «всё так, как надо». А когда позже увидел тоже всё «не так, как надо», не смог удержать себя в жизни.

О блаженство, даже самому страшному времени говорить в глаза только правду! И никогда не изменять ей. Пустота, шуньята, покой, нирвана – это в буддийской метафизике гавань всех человеческих устремлений. Гавань блаженства. Оттого истинные творцы выше всех наслаждений жизни ценят наслаждение творчества. Но им мало одной такой гавани, они, мятежные, ищут покой в буре. Почему? Потому что нирвана (безветрие) предполагает вторую свою грань – бурю. Без неё человек слабеет. Лучше всего это понимал и выразил Пушкин:

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Булгаков наглотался страданий слишком много и запросил покоя.

Но покой для творца – тоже работа. Другая форма работы. Без дела творец жить не может.

Когда все пути для творческой самореализации были ему перекрыты, Художественный театр предложил инсценировать «Мёртвые души». Перечитав роман, Булгаков сказал, что инсценировать Гоголя невозможно, нужна самостоятельная пьеса. «Пьеса так пьеса», – согласились в театре. Он написал её, ввёл главное действующее лицо – самого Гоголя, вложил в его уста слова из других гоголевских сочинений и, конечно, вдохнул в пьесу самого себя, весёлого, страдающего, грустно смеющегося Булгакова. Но как это сделал?

Исследователи булгаковской пьесы не обнаружили в ней ни одной не то что собственной фразы, ни одного негоголевского слова. Всё только Гоголь. Унисон, достойный двух гениев.

Она и теперь идёт, эта пьеса, – булгаковский завет театру, как нужно работать с классикой.

Сегодня на Гоголе кто только не самовыражается. Какой-нибудь режиссёр-шибздик непременно введёт в сцену ухаживаний Хлестакова за Марьей Андреевной и Марьей Антоновной сексуальные эпизоды. Иначе, какой он сокрушитель ветхозаветной морали! А главное, ведь не предоставит нынешний театр свои подмостки, не заплатит денег без подобного сокрушительства.

Михаил Афанасьевич никогда ни в чём не потакал не только вкусам властей, но и вкусам толпы. Творчество для него было священнодействием, говоря словами его современника Бориса Пастернака, чудотворством. Анна Ахматова, написавшая в 1940 году стихотворение на его смерть, определила его творческую бескомпромиссность словами «великолепное презреньё». Но стоило ему это качество великих страданий.

Тем не менее, нет ничего пошлее, чем изображать Михаила Булгакова мучеником и страдальцем. Как несовместимы гений и злодейство, так же невозможен гений, испытывающий непрерывные фрустрации. Жизнь Булгакова многоцветна. Всё, чем только может одарить она человека, он получил за свои неполные пятьдесят лет пребывания на земле. Была слава и замалчивание, деньги и безденежье, много друзей, ещё больше врагов, сладость творчества и травля критиков, ненависть властей и любовь женщин. И божественная кульминация, апофеоз его жизни, его предсмертный экстаз – прежде чем умереть, он сумел поставить точку в бессмертном романе.

В начале 20-х годов он сотрудничал с эмигрантским сменовеховским журналом «Накануне», издающимся в Берлине. Редактировал журнал Алексей Толстой, любивший корреспонденции Булгакова и хорошо плативший за них. Однажды журнал заказал Михаилу Афанасьевичу очерк о только что открывшейся в Москве сельскохозяйственной выставке. Блестящее, по-рембрандтовски сочное описание изобилия выставки редакция высоко оценила, статья была напечатана с ходу.

Но когда Булгаков представил счёт на производственные расходы, бухгалтерия журнала пришла в ужас. «Что это был за счёт! – писал очевидец. – Расходы на ознакомление с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительней было то, что весь этот гомерический счёт на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих.

– Почему же на двоих? – спросил поражённый заведующий финансами редакции.

Булгаков невозмутимо отвечал:

– Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, в фельетоне у меня отмечено, какие блюда даме пришлось по

вкусу. Как вам угодно-с, а произведённые мною производственные расходы покорнейше прошу возместить».

И возместили полностью.

«Никогда ни о чём не просите, принесут сами...» – говорил он. Это не совет моралиста, это его жизнь. В самые тяжкие дни творческого простоя и безденежья появлялся некто из Москвы, Ленинграда, Средней Азии, просил написать пьесу или инсценировку.

– Без аванса не возьмусь за работу.

– Выплатим аванс. Немедленно.

– Вам могут запретить ставить мою пьесу, – продолжал Мастер, – и я не смогу вернуть полученные деньги, потому что они будут истрачены.

– Мы согласны на такое условие в договоре – не потребуем возвращения денег, если пьеса не пойдёт.

Были ли случайные некто посланцами Сталина или самого Главного Некто, который давал писателю счастливые передышки? И чего Главный Некто добивался от своего подопечного, пропустив его через столь безжалостные жернова жизни? Ницше сказал: «Человек – это то, что необходимо преодолеть». Зачем? Чтобы человек смог когда-нибудь стать Иешуа или в далёком будущем самим Некто?

Он был далёк от того, чтобы считать себя святым, но была в его снах и святость. Великое счастье Булгаков обрёл в любви к Елене Сергеевне Шиловой, ставшей его женой в 1927 году. Она была ангелом-хранителем писателя при жизни, а после смерти хранителем великого романа, который довела до публикации почти через тридцать лет со времени написания.

В русской литературе XX века два примера столь мастерски описанной высокой любви: булгаковский, в его великом романе, и шолоховский, в «Тихом Доне». Но автор «Мастера и Маргариты» не только опоэтизировал большую любовь, он

прожил её. Три замечательных женщины прошли через его жизнь: Т. Н. Лаппа, Л. Е. Белозерская и Е. С. Шиловская. Все три спасали, вытаскивали его из котлов с горячей и холодной водой, куда попеременно окунала писателя советская действительность. С Есениным и Маяковским она расправилась быстрее, как мне кажется, потому что рядом с ними не было достойных подруг.

Боги, боги, неужели и вам снятся только сны?! Как увидеть реальность?

Если реальностью называть неизменяемую действительность, то, наверное, таковой не существует даже для богов. Святые всех религий говорят, что за одним Небом, следует другое, потом третье... Но если всем нам, смертным и бессмертным, суждены вечные сны, то пусть они, по крайней мере, будут прекрасными. А как оценишь красоту, не сравнив её с безобразием? Как узнаешь радость, не испытав страдания?

Полёты из одного мира в другой, участие в рождении миров, высекание искр гармонии из каменного хаоса, страдальческое изнеможение и восторг создания новой прекрасной формы, оставление её ради сотворения новой... – не это ли единственно возможное счастье? Тогда все беды мира превращаются в препятствия, которые ждут своего одоления. Ради чего? Ради великой, нескончаемой, прекрасной и страшной Неизвестности.

Он ушёл в Неё, как уже говорилось, в полном изнеможении сил на руках у Елены Сергеевны и её сестры Ольги Бокшанской. Процесс ухода был мучительным, почки совершенно отказали, и ядовитые отходы организма проникли всюду, вплоть до мозга. Но момент ухода был тихим и благостным. Боги, принимая своего любимца, освободили его в последние минуты от страданий. Также до последнего вдоха, как сообщила в письме своей матери Ольга Бокшанская, «юмор не покидал его».